

АЛЕКСЕЙ ПЕНЗИН

Философ, Российская академия наук, Москва

Постсоветская политика между реальным авторитаризмом и обещанием формальной демократии

Свое короткое высказывание я хотел бы начать со слов безусловной поддержки, адресованных множеству людей, которые были репрессированы режимом Лукашенко, и с констатации своего восхищения их отвагой, упорством, борьбой и желанием перемен. С августа 2020 года мы следили за событиями в Беларуси и очень им сопереживали. Этой вовлеченности также способствовали напрашивающиеся аналогии с тем, что может произойти и в России (и уже происходило, начиная с первой серии массовых протестов 2011–2012 годов). При всем трагизме ситуации очень радовало появление новых активистских голосов, в том числе женских и феминистских, в этих событиях.

Вряд ли я смогу сказать что-то оригинальное с точки зрения конкретного анализа политической ситуации в Беларуси во всей ее динамике и сложности. Скорее, я хотел бы предложить несколько рассуждений вокруг понятия, придающего смысловую артикуляцию происходящим событиям. Я имею в виду понятие демократии, которое становится основной ставкой в борьбе с угнетением и бесправием, до боли знакомым жителям не только Беларуси, но и значительной части постсоветского пространства. Откликнувшись на предложение редакторов журнала «Топос» порассуждать о белорусских событиях как представитель «левого» сообщества, я должен признаться в том, что разделяю присущую марксистской традиции подозрительность в отношении понятия демократии — особенно той его версии, которая принята в рамках либерального консенсуса.

Эта подозрительность не означает безответственных утверждений, что демократия «не лучше» авторитарной узурпации власти, а также того ужасающего положения бесправия и повседневного насилия, которое возникает в этом случае. Речь об этом не идет. Более того, я прекрасно понимаю, что напоминание об этой

подозрительности может показаться неуместным или, по меньшей мере, слишком отстраненным — в ситуации, когда сотни людей прямо сейчас страдают из-за полицейского насилия и унижений, которым они подверглись из-за своего участия в продемократической политике.

В данном случае я говорю скорее как теоретик о критической подозрительности в отношении понятий и основывающихся на них режимах легитимации социального порядка. Помимо соображений интеллектуальной честности, я не думаю, что критика понятия демократии может подорвать энтузиазм борьбы против авторитарной власти. Напротив, она может побудить задуматься — в более стратегическом плане — о том, что нас ждет после возможного ухода авторитарных режимов — или, по крайней мере, их части — из постсоветского пространства.

Левая подозрительность в отношении демократии исторически и интеллектуально возникла не на пустом месте. Начиная со своих ранних работ («К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права»), Маркс оспаривает основания либерализма и представительской демократии, которые вводят формально-правовое равенство граждан, однако не учитывают или замалчивают, как он говорит, «фактические различия» индивидов и классов. Маркс имеет в виду существующее, актуальное, субстанциональное *неравенство* — в смысле отсутствия доступа к материальным условиям достойной жизни и возможностей для индивидуального развития. Степень этого неравенства выражает степень власти господствующего класса, которая носит анонимный, неформальный, косвенный характер повседневной экономической и социальной артикуляции отдельных неравенств, охватывающих все аспекты жизни людей. (Здесь Маркс уже, возможно, предвосхитил развернутую в 1970-х годах фукианскую критику, которая также устанавливает фактические отношения власти, замаскированные ее формально-правовыми формами.) В «Государстве и революции» Ленин расширяет это критическое понимание «формальной» демократии: это всего лишь форма правления, *технология власти* внутри капиталистического общества, а не независимая от нее «автономная» область моральных и политических идеалов. Коммунизм, о котором Ленин осмеливается рассуждать, одиноко скрываясь в своем знаменитом шалаше, есть утверждение реального, фактического равенства и отмирание любых форм власти, выражавших неравенство, — то есть государства и технологий господства, включая и демократические.

В отличие от былой связности этих основополагающих высказываний, сделанных в другую эпоху, современная левая мысль расколота именно вокруг вопроса о демократии. Она либо продолжает высказывать свою подозрительность в отношении понятия демократии, либо пытается коренным образом его

переосмыслить. Так, Жак Рансьер предлагает преодолеть левую «ненависть» к демократии и переосмыслить ее как «диссенсус», протестное несогласие. Сходным образом Шанталь Муфф говорит об «агонистической» демократии, подтачивающей любой гегемонистский порядок, возникающий в неизбежно произвольных, исторически-контингентных условиях. В отличие от Маркса и Ленина, подобные позиции рассматривают сферы труда и повседневного угнетения как внеполитические, а политику представляют как особую автономную сферу, которая не зависима от «фактических различий» классов и разделения труда. Пожалуй, лишь единственный из всех значительных участников этих дебатов, Антонио Негри, понимает демократию как «учредительную власть», массово генерируемую снизу в моменты революционных и протестных процессов и неразрывно связанную с современной формой класса («множеством»), а тем самым — с производством и трудом. Однако и такое материалистическое понимание демократии сталкивается с проблемой ее чрезвычайной редкости и нестабильности, поскольку коллективный пыл и энтузиазм борьбы снизу невозможно поддерживать все время, в отличие от рутины каждодневного труда.

Я разделяю классическую марксистскую подозрительность к понятию демократии и поэтому могу оценить сарказм философа Алена Бадью, который называет этот режим легитимации «капитало-парламентаризмом», перелагая мысль Маркса и Ленина в более злободневный и современный регистр. Население некоторых бывших советских республик смогло в полной мере вкусить этот парламентаризм, под хаотический аккомпанемент которого разворачивалось brutальное и полное насилия первоначальное накопление времен «шоковой терапии» 1990-х, надолго отбившее вкус к демократии. В противовес либеральной интерпретации, связывающей последовавшее воцарение постсоветских автократий с техническими неудачами внедрения демократии и рыночной экономики, в процессах блуждающего «перехода» стоит видеть скорее не исключение из правил, а случай саморазоблачения самого режима легитимации, основанного на понятии демократии. При этом неолиберальная рыночная модель вполне прижилась в России и других странах бывшего СССР, но именно ценой своего «развода» с демократией.

В заключение позволю себе несколько личных замечаний, которые, как я надеюсь, проиллюстрируют мои рассуждения. В значительной части оппозиционной среды в России, включая и часть левых, есть убежденность в том, что с уходом авторитаризма демократия и честные выборы станут реальностью, а ситуация тем или иным образом откроет возможности для тех, кто был исключен из участия в политике в рамках авторитарного режима. Эта убежденность есть своего рода преимущество — оптимистическая

энергия, которой, например, нет у многих активистов из демократических стран.

Возьмем, к примеру, оппозиционную политику в Великобритании, которую я достаточно знаю, прожив и проработав здесь некоторое количество лет. В Великобритании демократия: на выборах власти не манипулируют статистикой в ходе подсчета голосов и объявления «победителей». Поэтому надежд, связанных с «еще более честной демократией», нет, так как она уже и так — как сказал бы саркастически Ленин, «формально» — честная. При этом партия консерваторов-тори, чем-то напоминающая партию «Единая Россия», в Великобритании у власти уже больше 10 лет, и она очевидным образом разрушает страну и благосостояние ее населения: достаточно вспомнить популистский Брэкзит, урезание публичных фондов, циничную коммерциализацию образования и культуры, огромное количество бездомных в городах, хаотическую популистскую политику в отношении пандемии. Наверное, в будущем в Великобритании можно было бы улучшить пропорциональность и репрезентативность демократии. Исторически так сложилось, что почти из каждой глухой деревни здесь выбирают одного депутата, как правило, сельского правого консерватора, а прогрессивные депутаты популярны в больших городах, где на одного депутата нужно завоевать гораздо большее количество голосов, и поэтому победить тут намного сложнее. Но это уже вопрос, что важнее: территория или население, деревня или город, — и это уже вопрос биополитики, то есть другой набор проблем (в более глобальном плане, таких как уничтожение живых видов и изменение климата, которые вряд ли можно вообще решить в рамках такой модальности капитализма).

Возвращаясь к Беларуси, отметим, что, с точки зрения Рансьера или Муффа, мы уже видим демократическое несогласие, агонизм и — почему бы и нет? — шанс на радикальную политику, ставящую вопрос о субстанциональном, а не формальном равенстве. Но мы не должны забывать, что с точки зрения «метаполитики» (марксистской или фукианской) демократия — это скорее введение в другую — биополитическую — модальность капитализма. Лучше ли демократическо-биополитическая модальность авторитарной? Безусловно, так как в ней меньше прямого насилия и произвола, а также существует минимальная правовая защищенность как отдельных индивидов, так и дискриминируемых меньшинств. Однако в таком режиме легитимации капитализма существует гораздо меньше шансов на радикальные перемены, поскольку они уже не связываются с демократией — ведь она формально «уже тут». Демократия лишь вводит нас в другую модальность капитализма. Вопрос же состоит в том, чтобы найти из него выход.